

ЭВОЛЮЦИЯ

«ЧЕРНОГО МУСУЛЬМАНСТВА»

О. В. ФИЛАНОВСКАЯ, Д. Е. ФУРМАН

«Черные мусульмане», в начале 30-х годов небольшая и мало кому известная секта, ничего общего, кроме названия, с мусульманством не имевшая, в 60-е годы превратилась в мощную, строго централизованную организацию, которая привлекла внимание американской и мировой прессы¹. Она стала символом ненависти к белой Америке, накопившейся у черного населения США. «Черные мусульмане» проповедовали отказ от всех элементов американской культуры, включая английские имена и фамилии, и готовили черных к «последней битве», когда под руководством Аллаха они свергнут владычество белых. Секта создала свои вооруженные формирования, с ней была связана серия убийств «отступников», и можно было ожидать, что их террор будет распространяться и дальше.

Но к концу 70-х годов ситуация изменилась до неузнаваемости. «Черные мусульмане», насчитывающие сейчас до 250 тыс. человек², стали «просто мусульманами», признанными ортодоксальным исламом. Никакой ненависти к белым и к государству; напротив, проповедуется сближение рас и в День независимости устраиваются демонстрации под американским флагом. И если в 60-е годы американское правительство с опаской следило за установлением связей «черных мусульман» с мусульманскими странами, то в наши дни один из их лидеров, знаменитый боксер Мохаммед Али, принявший это имя и фамилию вместо прежних — Кассиус Клей, по поручению Вашингтона отправляется на Черный континент уговаривать африканских спортсменов не участвовать в Московской Олимпиаде.

Что же произошло? Чем объяснить эти метаморфозы, совершившиеся на протяжении столь небольшого времени?

* * *

«Черное мусульманство» можно понять лишь в общем контексте борьбы черных американцев за свободу и равенство. Своеобразие рождающихся в ходе этой борьбы идеологий и программ неразрывно

¹ «Черным мусульманам» посвящено огромное число публикаций в периодике. Из книг назовем: L. Lomax. When the Word is Given... N. Y., 1967; E. Lincoln. The Black Muslims in America. Boston, 1973. Изданы речи И. Мухаммеда (E. Muhammad. Message to the Blackman in America. Chicago, 1965) и Малькольма Икса (Malcolm X Speaks. Ed. by G. Breitman. N. Y., 1967). Стала бестселлером автобиография Малькольма Икса (The Autobiography of Malcolm X. N. Y., 1965). В № 3 журнала «Вопросы философии» за 1970 г. опубликована посвященная «черным мусульманам» статья Л. Н. Митрохина «Нация ислама» и Малькольм X».

² Тираж еженедельника секты достигает 600 тыс. экземпляров (T. Drapeг. The Rediscovery of Black Nationalism. N. Y., 1970, p. 145).

связано с особенностями самой негритянской общности США, ее истории, ее культуры. Отметим прежде всего, что национальная проблема в освободительных идеологиях черных американцев принимает своеобразную и особо острую форму.

Одним из многих трагических следствий рабства и господства расизма является неопределенность этнического положения черных американцев. Рабство оторвало их от африканских этносов, лишило родных языков, культур, практически уничтожило память о прошлом и гордость им; в то же время возможности стать полноправными членами американской нации у них не было, а во многом нет и до сих пор. В результате черные в США сложились в особую, переходную этническую общность, к которой неприменимы понятия «нация», «народ». Культура, психология и само существование ее как общности в громадной степени связаны с особенностями ее положения сперва как рабов, а затем как неполноправной «касты»³.

Национальное угнетение и неопределенность этнического положения всегда порождают психологические страдания, комплекс «национальной неполноценности». У черных в США, насильственно лишенных старой родины и народа и не допускаемых в равноправные члены нового народа, эти мучения особенно велики. Для них вопросы «К какому народу я принадлежу?», «Народ мы или не народ?» — не отвлеченные проблемы. Это болезненные вопросы самосознания, ответ на которые определяет не только разные стили поведения, но и разную политику. Одно дело, если черные — это угнетенная, страдающая от расизма и отгороженная от «большой культуры» часть единой американской нации, в этом случае борьба за равенство выливается в борьбу за то, чтобы негры и белые были и считались равными членами одного народа и общества, носителями единой американской культуры. И совсем другое дело, если негры — особый народ. Тогда борьба за равенство неизбежно принимает форму сепаратизма, доведение же этой идеи до логического конца означает борьбу за выделение в особое государство.

Но, очевидно, однозначного ответа на вопрос «Народ мы или не народ?» у черных американцев быть не может. Отсюда амбивалентность, противоречивость их национального самосознания. Черный и притягивается к белой Америке, и отталкивается от нее, он и притягивается, и отталкивается от собственной общности. Сочетание и борьба этих тенденций, порождающих различные, враждующие друг с другом идеологические течения, проходят через всю историю негритянского освободительного движения.

При этом реальная сложность, неопределенность этнического положения черных приводит к тому, что альтернативные решения вопроса «Народ мы или не народ?» зачастую принимают крайние формы: эти решения как бы призваны заглушить сомнения, таящиеся на дне души. Стремление к интеграции может принимать форму подражания белым во всем — вплоть до выпрямления курчавых волос, в то же время стремление к утверждению себя как особого этноса может выливаться в изобретение мифов о своем происхождении, искусственное «самоконструирование» себя как этноса, даже в попытки эмиграции на выдуманную родину. И, как обычно при такого рода крайних решениях, они часто переходят в свою противоположность. Крайний сепаратизм, как у Маркуса Гарвея, лидера панафриканистского движения 20-х годов, проходившего под лозунгом «Назад в Африку» может сочетаться с мелочным, можно сказать, «детским» подражанием белым: Гарвей увешивал себя орденами, дал своим соратникам и самому себе пышные титулы, заимствованные у белых организаций... Но и черный, настаивающий на том, что в нем нет ничего специфически «негритянского»

³ Проблема особого этнического положения черного населения США посвящена работа Э. Л. Нитобурга «Негры США» (М., «Наука», 1979).

и что он ничем, кроме цвета кожи, не отличается от белого, как раз в этом может проявлять психологию, сформированную веками рабства и унижения.

Если своеобразие и болезненную остроту «национальной проблемы» считать первой особенностью освободительного движения черных американцев, то другая его особенность — важнейшая роль в нем религиозной символики и религиозных организаций. Этой роли способствуют как специфические условия Америки (характерная для нее пронизанность всей духовной жизни религиозными символами), так и ряд особенностей истории черных в США. Рабовладельцы и расисты были верующими христианами. Как христианам, им трудно было возражать против обращения негров, их христианизации. Как расисты, они не хотели быть в одних церквах с черными. Поэтому церковь была практически единственной формой самостоятельной негритянской организации, против которой они не возражали⁴. Еще во времена рабовладения создаются неравноправные, но все же в известной мере самостоятельные церковные общины рабов на Юге и независимые методистские церкви свободных негров на Севере. А после освобождения рабов при активной помощи бывших рабовладельцев на Юге создаются массовые баптистские и методистские негритянские церкви, объединяющие миллионы черных. Долгое время церковь оставалась практически единственным для негра способом сделать карьеру и стать личностью, почитаемой самими неграми, а в какой-то мере уважаемой и признаваемой миром белых.

Столь значительная роль религии в жизни черной общины во многом препятствовала как распространению среди черных американцев революционных, интернационалистских идеологий, связывающих решение национальной проблемы с построением принципиально нового общества, так и распространению нерелигиозных форм национализма. Религия своеобразно модифицировала противоположные, но всегда взаимосвязанные тенденции негритянского самосознания.

* * *

В период рабовладения среди рабов время от времени появлялись «пророки» и «месии», обещавшие чудесную помощь в борьбе с белыми. В это же самое время в методистских церквях свободных негров на Севере мы можем найти зарождение позднейших сознательных и планомерных форм борьбы. Однако в целом религиозность негров в этот период основана на зачастую экстастическом самоотжествлении со страдающими библейскими персонажами и страстном уповании на загробное воздаяние⁵. Лишь когда пробуждается сознание, что есть пусть крошечная, но возможность изменить свое положение, и положение это начинает осознаваться как ненормальное, возникает отход от данного типа религиозности и его «мутации» (естественно, что на Севере это происходит раньше, чем на Юге).

⁴ Не вдаваясь подробно в этот вопрос, отметим, что мощь и размах расизма и «сегрегированные» негритянские церкви — явления, связанные с господством в США плюрализма демократически организованных протестантских церквей. Католицизм представлял и белого и черного быть в одной церкви и одинаково подчиняться ее дисциплине — и этим объективно смягчал расистские настроения. Во многом отсюда протекает разительное различие в религиозной и политической истории негров в США и в латиноамериканских странах.

⁵ Модификация этого типа религиозности «дяди Тома» — экстастические негритянские пятидесятнические секты, в идеологии которых проблема индивидуального загробного спасения отодвигает на задний план социальные и национальные проблемы. В значительной мере этот тип религиозности сохраняется сегодня и в двух громадных «национальных баптистских конвенциях».

При этом двойственное отношение черных к белой Америке и к самим себе как к этнической общности проявляется в их двойственном подходе к «белому» христианству, а различные решения проблемы своей национальности — в разных позициях по отношению к нему.

Некоторые черные переходят в элитные белые церкви (епископалов, «Объединенную церковь Христа» и др.). Эти церкви наиболее свободны от расистских предрассудков, публика в них достаточно образованная, с высоким социальным статусом — и поэтому не испытывающая потребность утверждать этот статус за счет негров. Однако, хотя эти церкви охотно принимают негров, в них идет лишь небольшая, притом наиболее богатая и образованная часть черных, у которых есть надежда быть действительно принятыми в белое общество⁶. Черные миряне и духовенство этих церквей часто поставляли руководящие кадры негритянских организаций, борющихся за равные права. Но для черного большинства членство в этих духовно и социально чуждых ему организациях было бы невыносимой психологической нагрузкой.

Большинство негров принадлежит к самостоятельным черным церквям, сохраняющим, однако «белые» догматику и культ, — «африканским методистским», традиционно более активным, возникшим в начале прошлого века среди свободных негров Севера, или к «Христианской методистской» и «национальным баптистским», возникшим после освобождения рабов, к церквям, ранее политически инертным, но «оживающим» в 60-е годы⁷.

Есть церкви, преобразующие христианскую символику в «черном» духе. Такова, например, основанная Мак-Гайром, сподвижником Маркуса Гарвея, «Африканская ортодоксальная церковь», где «все наоборот»: дьявол — белый, а Иисус Христос и Мадонна — черные.

Наконец, крайнюю форму религиозного национализма и сепаратизма выявляют секты, отвергающие христианство как религию «не нашего народа». Такие секты распространены прежде всего в гетто северных городов, в социальном слое, где ненависть к белым максимальна, а надежды на достижение равенства минимальны и где низкий культурный уровень позволяет людям верить в самые причудливые мифы о сущности и происхождении черных.

Антихристианские негритянские секты выполняют обычные функции сект бедняков, уводя их в фантастический мир, в котором они — элита⁸. Но здесь преодоление личного комплекса неполноценности прямо связано с преодолением комплекса «национальной неполноценности»: в упомянутом фантастическом мире черные — избранный народ. Психологическое преобразование личности сектанта идет через преобразование самих сект в «народ», даже в «государство». Отсюда активизм, который резко отличает их от других сект, распространяющихся в той же социальной среде, но, очевидно, привлекающих людей иного психологического типа.

Другая особенность названных сект состоит в том, что мифология, созданная их основателями, выдается ими за некую, уже существующую реально религию. Дело в том, что основатель не может просто «изобрести» родину и народ для черных, он должен их как-то «локализовать», что принимает форму отождествления черных с каким-то великим древним народом, угнанным в рабство и забывшим о своем

⁶ Р. Тиндаль дал такую характеристику негритянским церквям: «Когда ты бедняк, ты баптист, чуть продвинулся — становишься методистом, а если добился своего — ты епископал» («Time», April 19, 1966, p. 44).

⁷ В 1961 г. в результате раскола одной из «национальных баптистских конвенций» («инкорпорированной») возникла в высшей степени активная «Прогрессивная национальная баптистская конвенция», одним из основателей которой был М. Л. Кинг.

⁸ См. «Трагедия в Джонстауне и американские секты». «США — экономика, политика, идеология», № 6, 1979.

происхождении, а идеологии секты — с забытой религией этого народа.

Черные националистические секты распадаются на две основные группы — «черных евреев» и «черных мусульман».

* * *

«Черный иудаизм» был естественной идеологией негритянских сект. Негры жили и воспитывались в атмосфере библейской символики: история «богоизбранного народа», который грешит, за это обращается по воле всевышнего в рабство и угоняется на чужбину, а затем, после своего раскаяния вновь обретает с божьей помощью свободу и родину, легко усваивалась неграми как изображение их собственной судьбы. Попытки негров «найти себя как народ» порой приводят их к самоотожествлению с евреями. Сект, присваивающих черным библейские историю и пророчества, было и есть множество. Однако это движение, очевидно, малоперспективно.

Перед «черными евреями» сразу же вставала сложная идеологическая проблема: определить свое отношение к евреям реальным. Один путь решения этой проблемы — признать евреев самозванцами, присвоившими себе их имя. Однако, чтобы «вернуть» себе национальность, «черные евреи» должны учить язык и религию евреев. Поэтому неизбежно возникал и второй путь решения проблемы: негры — особые, «эфиопские» евреи. Логическим завершением этого пути было бы простое принятие ортодоксального иудаизма. Однако по этому пути пошли лишь немногие черные. Связано это прежде всего с особенностями самого иудаизма.

Ортодоксальный иудаизм — это религия с предельно усложненной системой правил и стоящая как бы на «полпути» от древних этнических религий к мировым, надэтническим, как христианство и ислам. Принять его весьма непросто, ибо требуется усвоить иудаистские правила, изучить Библию и Талмуд, и, главное, иудаизм и не стремится к тому, чтобы его принимали. Если же прибавить к этому психологические различия негров и евреев, еврейский национализм и расистские предрассудки, которыми заражены в США и многие евреи, мы поймем, что черные, стремящиеся принять иудаизм, должны преодолевать поистине необычные препятствия⁹.

Крайняя психологическая трудность положения сект «черных евреев» побуждает их стремиться к бегству от американского общества. Кое-кто (очевидно, к ужасу израильских сионистов) перебирается в Израиль¹⁰, но многие выбирают для жительства разного рода глухие уголки мира, где в относительной изоляции они могут создавать как бы микрообщества, основанные на их фантастических идеологиях¹¹.

Иначе развивалось другое направление религиозного национализма — «черное мусульманство».

* * *

Иудаизм — через Ветхий завет, контакты с евреями — был в какой-то мере знаком черным. Об исламе же они имели идеи самые смутные, реальных мусульман не видели. Но именно поэтому ислам имел

⁹ Кое-кто, однако, сумел их преодолеть. По сообщению газеты «Вашингтон пост» (от 2 марта 1979 г.), ортодоксальные раввины признали все-таки коммуны «черных евреев» некоего А. Респеса в Нью-Джерси.

¹⁰ См., в частности, H. Brotz. The Black Jews of Harlem: Negro Nationalism and the Dilemma of Negro Leadership. N. Y., 1970; «The New York Times», December 29, 1969.

¹¹ Несколько таких общин имеется в Гайане. Самая крупная из них, «Дом Израиля», насчитывает 7 тыс. человек («The New York Times», November 27, 1978).

для них свои преимущества. Для лидеров якобы мусульманских сект не существовало тех проблем, которые для «черных евреев» создавали реальные евреи и иудаизм. В исламе были и другие привлекательные моменты. При самых наивных представлениях о нем черные не могли не связывать его с Африкой; они слышали и о каких-то реальных мусульманских «царствах», и о специфической воинственности этой религии. Последнее, на наш взгляд, особенно важно. Социальная среда «черного мусульманства», столь красочно описанная в «Автобиографии Малькольма Икс», — это гетто северных городов, где процветают преступность и гангстеризм; здесь — особенно среди молодежи — высоко ценятся «мужественность», физическая сила, храбрость. Образ религии мужчин, религии воинов должен был привлекать этих людей, и многие «черные мусульмане», в том числе и сам Малькольм, — это бывшие уголовники, которым секта дала силу порвать с преступным миром, но которые внесли в нее характерную склонность решать разногласия оружием. Как мы увидим далее, история «черного мусульманства» пронизана убийствами.

Важнейшее из движений, предшествовавших современному «черному мусульманству», — это движение «мавров».

В 1913 г. в Ньюарке (штат Нью-Джерси) уроженец Северной Каролины Тимоти Дрю, принявший имя Ноубл (Благородный) Дрю Али, основал первый «Храм мавританской науки». Затем такие храмы были открыты во многих городах на севере США. Корана, очевидно, Дрю Али не читал — и написал свой «Коран», хранившийся в тайне. Основные положения его учения заключались в том, что черные — это мавры, великая африканская нация, религия которой — ислам. Сам Дрю Али был якобы посланцем короля Марокко и одновременно пророком Аллаха, прибывшим в США, чтобы открыть неграм истину. Он обещал, что владычество белых вскоре будет свергнуто волею Аллаха, причем знаком этого должно стать появление в небе звезды, принявшей форму полумесяца. Его приверженцы носили красные фески и имели при себе «документ» секты, свидетельствовавший, что они не негры, а мавры.

«Мавританская наука» имела тесные связи с уголовным миром. Многие «шейхи» Дрю Али нажили состояние продажей разных амулетов и магических средств. Среди вожаков секты вскоре начались распри. В 1929 г. Дрю Али был арестован по обвинению в подстрекательстве к убийству одного из «шейхов». Его вскоре выпустили, затем при неясных обстоятельствах он был убит. Движение распалось и сошло на нет¹².

Но в 1930 г. в Детройте появился новый посланец Аллаха — Уоллес Фард. До сих пор не выяснено, кем он был прежде и откуда появился. Его проповедь была близка к проповеди Дрю Али, только родиной негров объявлялась не Марокко, а Мекка, отождествлявшаяся с раем. Культ Фарда у его последователей достиг фантастических размеров, он именовался Верховным правителем вселенной и даже самим Аллахом. В конце 1933 или начале 1934 г. Фард исчез — так же таинственно, как и появился. Для большинства его последователей, объединившихся вокруг его ученика Илайджи Пула, «Аллах» Фард пришел с неба — и ушел на небо.

Илайджи Пул, принявший имя Илайджи Мухаммеда, был истинным создателем «черного мусульманства»; Фард — таинственная, легендарная фигура типа Будды или Иисуса, а Илайджи — это как бы апостол Павел, интерпретатор учения Фарда и организатор; для «черных мусульман» он был пророком «Аллаха» Фарда. Газета секты, рас-

¹² О Дрю Али и его секте см. A. Fauset. Black Gods of the Metropolis: Negro Religious Cults of the Urban North. Philad Iphia, 1944, pp. 44—51.

пространению которой придавалось огромное значение, так и называлась: «Мухаммед говорит» («Muhammad Speaks»).

Учение Фарда в изложении Илайджи Мухаммеда представляло собой довольно развернутую мифологию. Согласно ему, черные — древнейшая раса, созданная Аллахом и изначально жившая в райской земле Мекке, где она называлась народом «Шабазз». Белые же выведены путем селекции особей с наименее черным цветом кожи, которую производил великий черный ученый-«генетик» Якуб. Это выведение «белого дьявола с голубыми глазами», нечто вроде греха Якуба, плод его «сатанинской гордости» (и в его лице — гордыни черных), совершилось на острове Патмос, куда за свои нечестивые опыты Якуб со своими учениками был изгнан из священной Мекки. Первого белого звали Адамом. Белые стали орудием наказания и испытания черных, которые были отданы Аллахом под их власть. Предел падения черной расы — ее рабство в Америке, где она утратила свою религию, свое самосознание, имена и т. д.¹³ И именно в Америку к униженным черным явился Аллах, давший спасающее знание и вновь ушедший на небо, оставив после себя наместника и пророка. Отныне среди самых униженных представителей черной расы появились мусульмане, «нация ислама», избранники Аллаха, готовящиеся к последнему бою с «белыми дьяволами», который очень скоро начнется в Америке, как только Аллах вернется для уничтожения белых и установления рая на земле.

При всем ярком мифологизме этой идеологии магия и чудеса занимают в ней очень скромное место. Нет здесь чудесных исцелений и тому подобных доказательств собственной святости, столь характерных для индивидуалистических пятидесятнических сект, нет и амулетов, магических средств, характерных для «мавров». Основное «чудо» для сектантов и основное доказательство истинности их учения — их собственное превращение из отбросов общества в воинов Аллаха и чудесное возникновение в США «нации ислама». Это побуждает сектантов к фанатичной деятельности, имеющей очень земные, практические цели.

* * *

Деятельность «черных мусульман» была направлена к созданию «народа-армии», готового к великой битве. Организация — строго централизованная. Илайджи Мухаммед, избравший своей резиденцией Чикаго, сам назначает служителей храмов и руководителей функциональных организаций — капитанов 1-го, 2-го и 3-го рангов. Из этих организаций самая важная — «Плод ислама», вооруженные отряды, призванные охранять пророка и митинги «мусульман»; службу в них проходят все молодые «черные мусульмане». С этой организацией связано множество убийств, совершавшихся или по прямому приказу Илайджи Мухаммеда (что, впрочем, никогда не было юридически доказано), или, скорее всего, на основании его намека. Очевидно, стоило пророку сказать, что тот или иной человек «вредит исламу», что «Аллах его покарает», как фанатичные сектанты спешили выполнить волю Аллаха.

Илайджи Мухаммед проповедует полную изоляцию от белых. Возникает сеть предприятий — магазинов, ресторанов, ферм, где работают

¹³ Проблема «истинного имени» играет важную роль в «черном мусульманстве» и отражает глубочайший архаизм мышления обитателей гетто. Имя имеет магическое значение. Рабство — утрата истинного имени нации и индивидов. Обретение истины и освобождение связано с отказом от «рабских» имен и нахождением истинных, арабо-мусульманских. Малькольм Литтл вначале стал (в знак того, что он не знает своего истинного имени) Малькольмом Икс, а затем Эль-Хаддис Маликом Эль-Шабаззом.

лишь сектанты. Создается своя система образования, и вводится преподавание арабского.

Какие качества должен выработать «черный мусульманин»? Прежде всего, естественно, преданность пророку и исламу, мужество, готовность к жертвам. Но не только. Рассматривая моральную проповедь Илайджи Мухаммеда, мы сталкиваемся с парадоксальным на первый взгляд явлением. По сути дела он проповедует отказ от специфически «негритянского» поведения и усвоение «белых» норм. Он учит соблюдать не только общие моральные принципы (честность, трудолюбие), но и специфические принципы пуританской этики, не характерные для гетто.

Так, семья в гетто (и по экономическим причинам, и в силу психологии, унаследованной от эпохи рабства, когда негры не могли иметь «настоящую» семью) не стабильна и центрирована на матери, а «черные мусульмане» проповедуют прочные семьи, мужскую ответственность, четкое распределение мужских и женских ролей. Они с неодобрением относятся к спонтанности в проявлении чувств, к излишней эмоциональности; от «черных мусульман» требуется сдержанность, дисциплинированность, которые должны выражаться и внешне: строгий белый костюм и покрытая голова у женщин, черный костюм с галстуком для мужчин. По сути дела от обитателей уголовного мира трущоб ожидается то же поведение, которое вырабатывают «выбывающиеся» в белое общество черные. Только идеологически это поведение связано не со стремлением «пробиться к белым», а со стремлением от них «отгородиться». Чем объясняется этот парадокс?

Порожденная рабством и расизмом двойственность отношения к самим себе и к белым, комплекс «национальной неполноценности» появляются в обеих крайностях ущемленного национального самосознания черных: и в стремлении некоторых из них отказаться от принадлежности к своей общине, и в национализме. «Черные мусульмане», конечно, восхваляют свою «нацию»; но они ставят на пьедестал не «эмпирического», реального черного, а такого, какой он есть «в сущности» и каким он может — и должен стать. Существующие культура и психология черных отвергаются и презираются ими так же, как и неграми, стремящимися «стать белыми», и, более того, как они презираются белыми расистами. Как ультранационалист Маркус Гарвей соглашался с куклуксклановцами (и даже вступал с ними в переговоры), так Илайджи Мухаммед по сути соглашается с белыми расистами в том, что «эмпирический» черный «очень плох», с той лишь разницей, что такой черный для него лишь видимость. Очевидно, это один из парадоксов, свойственных национализму, пристокающему из чувства национальной ущербности, неполноценности (в этом отношении представляет интерес структурное сходство идеологий «черного мусульманства» и сионизма).

Полное отрицание мира белых позволяло И. Мухаммеду делать заявления, которые в устах другого черного деятеля были бы заклеены как речи «дяди Тома»: «Изучайте деятельность белого. Он преуспевает. Он много трудится в коллективе. Делайте то же самое!»¹⁴.

Даже в чисто политическом плане происходит «смыкание» национализма «черных мусульман» с белым расизмом. «Черные мусульмане», верящие в скорую и неизбежную гибель белых и в свое «воцарение», отвергали (в начале их эволюции) борьбу за гражданские права. «Братание» черных и белых, смешанные браки внушают им отвращение не меньшее, чем куклуксклановцам. Пока Аллах не пришел к людям вторично, «черные мусульмане» требуют создания своего государства; где — не совсем ясно, не то в Африке, не то в южных штатах. Между тем переселение черных в Африку — одна из постоянных идей

¹⁴ E. Muhammed. Message to the Blackman in America, p. 174.

белых расистских «ультра», а идея создания черного государства где-то на Юге не так уж далека от практики выделения бантустанов расистами в ЮАР.

Однако было бы совершенно неверным из сходства идей и установок «черных мусульман» и белых расистов делать вывод о тождестве или даже близости социальных функций этих идеологий. Они отличаются примерно так, как критика в адрес другого лица не похожа на критику (пусть даже сходную семантически) в свой собственный адрес...

Века унижений и угнетений не проходят даром, они оставляют глубокие психологические шрамы. И именно эти шрамы, порожденные белым расизмом, питают расизм, который видит в них природные черты черных.

Духовный переворот, произведенный в массе «черных мусульман» их идеологией, в какой-то мере позволил им выйти из этого порочного круга. Требование равных прав с белыми, столь близкое более культурной и обеспеченной части черных, говорило обитателям трущоб очень мало: их психология настолько изломана страшной жизнью, что при «равных правах» или без них они все равно были обречены на нищету, уголовщину, наркотики, пьянство. Но мифы о великом прошлом, о своем великом предназначении, об обреченном на гибель «белом дьяволе» позволяли «черным мусульманам» без муки для их самолюбия критически подходить к своей психологии и поведению, давали им силу «убить в себе раба».

И постепенно в «черном мусульманстве» происходят сдвиги, говорящие о стремлении вновь вернуться в отвергнутый ими «большой мир». Наступил момент, когда И. Мухаммед провозгласил: «До тех пор пока нам не будет позволено иметь свое собственное государство или территорию, мы требуем не только равенства по законам США, но и равных условий найма — сейчас!»¹⁵.

Но до «возвращения» в американское общество «черным мусульманам» было еще далеко. Для этого им нужно было отказаться от того, что составляло самую суть их учения, — от мифологического религиозного национализма. Однако и это произошло, притом поразительно быстро. Процесс трансформации идеологии «черных мусульман» принял форму «ортодоксализации», превращения «черного мусульманства в просто мусульманство.

* * *

«Черные мусульмане» не знали элементарнейших правил мусульман, но добросовестно тянулись к исламу, изучали арабский, меняли имена на арабо-мусульманские. И. Мухаммед посылает сына учиться в Каир.

Центральной фигурой в «ортодоксализации» секты и освобождении ее от национализма явился Малькольм Икс. Принявший это имя Малькольм Литтл — бывший уголовник, ставший пламенным проповедником и руководителем нью-йоркского храма секты. Популярность его была колоссальна и, очевидно, возбуждала опасения Илайджи Мухаммеда, тем более что Малькольм стал выражать недовольство порядками в секте, в частности наличием при «дворе» пророка гарема «секретарш». Малькольм — представитель крайнего крыла секты, и один из моментов, приведших его и Илайджи Мухаммеда в 1964 г. к разрыву, заключался в том, что первый высказал радость по поводу убийства Дж. Кеннеди, в то время как пророк выразил скорбь.

¹⁵ Ibidem.

В 1964 г. Малькольм совершает хадж (паломничество) в Мекку. По дороге он встречается с Г. А. Насером и другими арабскими лидерами. Из поездки он приезжает окрыленным. Он нашел влиятельных друзей, пусть и не черных по цвету кожи, он воочию столкнулся с интернационализмом ислама, мировой религии: в хадже участвовали люди разных рас, и никто не обращал внимания на чей-то цвет кожи. Он ощутил принадлежность к громадному миру. «Я понял,— пишет он,— что не все белые — расисты. Я выступаю и борюсь против белых расистов»¹⁶. С Илайджи Мухаммедом он полностью порывает, создает свою «Мусульманскую мечеть» и организацию «Афро-американское единство».

Малькольма с трудом можно назвать религиозным деятелем. По своему духу он скорее политик, притом революционного толка. Его обращение к «третьему миру», его поиски союзников в США вне узкого круга «черных мусульман» связаны со стремлением создать широкую коалицию для борьбы с «белым империализмом». Именно это толкает его к ортодоксальному исламу, который он воспринял прежде всего как религию равенства и социальной справедливости. Но это все же был приход к мировой религии, а не к революционной социально-политической идеологии.

«Новый» Малькольм прожил лишь год. Его убивают сторонники стареющего, утрачивающего власть Илайджи Мухаммеда.

Среди «черных мусульман» усиливаются центробежные тенденции. По пути Малькольма, обращаясь к «настоящему мусульманству», начинают идти другие группы. В 1972 г. образуется группа Хамааса Абдула Каалиса, принявшая ортодоксальный ислам ханафитского толка и также выступившая против «пророка». В черномусульманском мире разворачивается нечто вроде гражданской войны, в негритянских кварталах находят отрубленные головы, обращенные лицом на Запад — в противоположную от Мекки сторону. В январе 1973 г. Каалис, вернувшись домой, обнаружил семь трупов — жены, дочери, сыновей и внуков¹⁷.

В 1975 г. Илайджи Мухаммед умирает. На его место встает его сын Уоллес; он использует авторитет Фарда (распространяется рассказ, что когда мать будущего лидера секты ждала ребенка, Фард предсказал, что родится мальчик, которого нужно назвать Уоллесом, именем самого Фарда, и который будет великим руководителем мусульман), но это человек нового поколения, новых горизонтов и идеологии. Он был другом Малькольма Икс, он ссорился с отцом, но затем примирился, он долго жил в Египте, где кончил мусульманский университет Аль Азхар.

Уоллес начинает планомерно освобождать «черное мусульманство» от доставшегося ему сектантского и националистического наследия. Ему приходится бороться с сопротивлением и консерваторов, и ранее отколовшихся группировок¹⁸. В поразительно короткий срок ему удается радикально преобразовать движение. Прежде всего ликвидируется само название. Теперь «черные мусульмане» — это «Всемирная община ислама на Западе», открытая для всех рас (следы «черного»

¹⁶ «Malcolm X Speaks», p. 144.

¹⁷ О секте Каалиса см. A. Muhammad, Civil War in Islamic America. «The Nation», June 11, 1977.

¹⁸ В марте 1977 г. американцы были потрясены событием, косвенно отразившим эту борьбу. А. Каалис решил отомстить «черным мусульманам» и заодно привлечь внимание к своей ханафитской группе. Он и его сторонники захватили 150 заложников в вашингтонском центре «Бнай брнт» и еще более десятка разных лиц в различных учреждениях и мечети, требуя, во-первых, запрещения кинофильма «Мухаммед, посланец бога» и, во-вторых, выдачи ему Уоллеса и Мухаммеда Али, которых он считал истинными убийцами Малькольма Икс и своей семьи. Конфликт был урегулирован при посредничестве послов мусульманских стран.

прошлого, переосмысленного, однако, в ортодоксальном духе, сохраняются в другом названии — «билалиане» — по имени черного ученика основателя «реального» ислама, пророка Мухаммеда). Строго вводятся все ортодоксально-мусульманские правила. Устраняется всякая проповедь расовой ненависти, община открывается для людей всех рас. Ликвидируется «Плод ислама». Мифы о Якубе и Фарде интерпретируются Уоллесом как аллегории. Закрываются нерентабельные предприятия, созданные Илайджи Мухаммедом, заботившимся не столько о рентабельности, сколько об экономической «автаркии». Уже при Мухаммеде в секте начинают появляться представители «средних слоев» (да и сами сектанты, бывшие люмпены, претерпели «обуржуазивание»). Уоллес специально ориентирует пропаганду на привлечение интеллигенции и буржуазии. И радикально меняется отношение к американскому буржуазному обществу.

Что же сделало возможным эту эволюцию? Самые разные государства и церкви стараются завязать или укрепить связи со своими соотечественниками и единоверцами в США, сделать из них как бы опорную базу, пропагандистов своих идей, лоббистов своих интересов. Страны исламского мира не могли не заинтересоваться возникшим в США движением, провозгласившим себя мусульманским; хадж Малькольма Икс стал событием в этом мире. Вскоре начинается чуть ли не конкуренция разных стран за помощь «черным мусульманам», последние могут даже выбирать своих зарубежных покровителей. В 1972 г. Илайджи Мухаммед получает от М. Каддафи 3 млн. долл. на строительство мечети в Чикаго. Затем Уоллес переориентирует «черных мусульман» на консервативные и богатые режимы Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратов. Каалис получает деньги от Пакистана. Одновременно устанавливаются связи с растущей в США общиной иммигрантов-мусульман. Лидеры «черных мусульман» превращаются в фигуры международного значения. Признание и почет, оказываемый им, поднимает сектантов в собственных глазах. «Подключение» к мусульманскому миру выполняет те же функции, что выполняла прежде их националистическая мифология: они ощущают себя членами могучей общности с великой историей.

Плата же за это «билалиан» — их «ортодоксализация» — не столь уж большая. Ведь они и так всегда считали себя мусульманами. Принятие ортодоксально-мусульманских норм новые лидеры могли объяснить не как разрыв с «заветами» У. Фарда и И. Мухаммеда, а, наоборот, как их выполнение. При этом нужно учитывать, что сама ортодоксия в исламе более широкая и терпимая, чем в христианстве (и тем более — в иудаизме). Мусульманское духовенство склонно смотреть сквозь пальцы на некоторое своеобразие «билалиан», на рудименты их недавнего сектантского прошлого, и это сделало процесс их «ортодоксализации» неизмеримо более легким, чем если бы от них требовался мгновенный и полный отказ от всех их неортодоксальных верований.

В конце 50-х — начале 60-х годов «черные мусульмане» наводили ужас, смешанный с угрызениями совести. Посвященный им телефильм назывался «Ненависть, которая порождает ненависть». О них говорили как о «черных фашистах». Но скоро отношение к ним начало меняться. И не только со стороны белых либералов, страдающих от «комплекса вины». Наличие у сектантов «изоляционистских» тенденций, с каждым годом все менее ярких и пугающих, способствовало их признанию консервативными (и даже не чуждыми расизма) элементами американского общества. Последние быстро заметили, что при всех своих пламенных речах о «белых дьяволах» сектанты пытаются воплотить в жизнь типично буржуазные нормы и ценности: открывают лавочки, носят галстуки, не бунтуют и при этом не стремятся быть принятыми в обществе белых. Как раз те элементы идеологии, которые

отпугивали от них либералов, привлекали к ним консерваторов. Тем более что они «настоящие верующие», а это «всегда хорошо». Выразителем отношения этого консервативного слоя выступил покойный мэр Чикаго («столицы» И. Мухаммеда) Роберт Дейли, неоднократно хваливший черного лидера, чествовавший его и назвавший его смерть «громадной потерей для города»¹⁹. В Вашингтоне день смерти И. Мухаммеда был объявлен днем официального траура.

«Билалианам» протягивает руку и христианская церковь (причем опять-таки скорее ее консервативные, чем либеральные элементы). В этом отношении очень характерна серия бесед на религиозные темы, которую провели Мухаммед Али и популярный в США полуофициальный консервативный проповедник Билли Грэхем.

В этом «обхаживании», на наш взгляд, есть элемент сознательной политики. Так, беседы с Б. Грэхемом непосредственно предшествовали поездке Мухаммеда Али (по поручению Дж. Картера) в Африку с призывом бойкотировать Олимпиаду. Правящие круги США не могут не понимать, какую пользу они способны извлечь из «билалиан».

Так совместные (хотя и вызванные совершенно разными причинами) усилия ислама и правящих кругов США ускорили эволюцию «черного мусульманства». Из самых разных источников на выходцев из мира трущоб посыпались блага, знаки внимания и уважения. Устоять на старой позиции полного отвержения общества «белых дьяволов» или тем более эволюционировать в революционном направлении (такая тенденция была у Малькольма Икс) они не смогли.

Какие же следствия имеет сейчас и может иметь в будущем эволюция «черного мусульманства»?

Рост этого движения и завоевание им авторитета — один из аспектов отступления американского расизма под натиском движения за права расовых меньшинств. Официальный траур в Вашингтоне по лидеру негритянской секты был бы абсолютно немислим еще в относительно недавнем прошлом. Но одновременная «интеграция» этой секты буржуазным обществом — успех этого общества, стремящегося вытравить революционное содержание из движения черных.

Признание «черного мусульманства» — еще один шаг на пути утраты Америкой специфически протестантско-христианского характера. Лишь в XX в. в круг «нормальных американских религий» вошли иудаизм, католицизм, отчасти православие. Очевидно, сейчас происходит процесс (и эволюция «черного мусульманства» — один из его аспектов), в результате которого «нормальными» и «респектабельными» станут и некоторые восточные религии.

И наконец, эволюцию «черных мусульман» нужно рассматривать во внешнеполитическом контексте. Рост их влияния (как и вообще исламской общины в США) по логике вещей должен способствовать умеренности и осторожности в отношении американского правительства с мусульманским миром и противодействовать сионистскому лобби. Но возникающее сейчас в США мусульманство имеет два лица: не только обращенное к странам ислама, но и американское. К примеру, католические епископы в США активно лоббируют в пользу католических интересов, но они одновременно и проводники американского влияния в католической церкви; так и американские мусульмане, отстаивая в США интересы исламского мира, могут служить и проводниками влияния в нем США. В результате эволюции «черных мусульман» в Соединенных Штатах образовалась группа, способная найти общий язык в тех кругах исламских стран, которые недоступны для американских дипломатов. Использование «черных мусульман» Вашингтоном уже началось и, несомненно, будет усиливаться.

¹⁹ «Washington Post», February 26, 1975.